

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ – ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКО-
НОМИКИ

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ

На правах рукописи

Александр Фридрихович Филиппов

Теоретические основания социологии пространства

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора социологических наук

Москва – 2003

Работа выполнена на кафедре общей социологии Государственного университета – Высшая Школа Экономики.

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
КИМЕЛЕВ ЮРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

доктор философских наук, профессор
ФЕДОТОВА ВАЛЕНТИНА ГАВРИЛОВНА

доктор философских наук, профессор
ЭФЕНДИЕВ АЗЕР ГАМИДОВИЧ

Ведущая организация Московский Педагогический Государственный
Университет, кафедра политологии и
социологии

Защита состоится « » декабря 2003 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д.209.002.04 по социологическим наукам в Московском государственном институте международных отношений (Университете) МИД РФ по адресу: 119454, Москва, проспект Вернадского 76, ауд. 1039.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки МГИМО МИД РФ

Автореферат разослан « » ноября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук

Н. Н. Зарубина

Введение

I. Общая характеристика работы

Диссертация представляет собой исследование по *общей социологии*, развитие которой обусловлено обращением к новым и традиционно скорее далеким от интересов социологов феноменам. Основной замысел работы состоит в обосновании ряда новых понятий и построении обобщенных суждений, которые могут быть использованы в более специальных, прикладных отраслях социологического знания.

Актуальность темы исследования. Одним из наиболее важных и актуальных вопросов, занимающих ныне социологов во всем мире, является вопрос о том, что означают процессы глобализации не только для социальной жизни, но и для социальной науки. Ведь научное знание по природе своей универсально. Если научная истина значима в одной части света, она должна быть значима в другой. И в этом смысле социология не может и не должна быть исключением. Но мировая социология не едина, в ней хорошо заметно разделение социологов не только на школы, направления или парадигмы, но и по месту происхождения или постоянной исследовательской работы. Кажется, никто специально не создает в наши дни французской, американской, английской, немецкой социологии, а серьезные результаты деятельности социологов имеют значение не только для тех, кто проживает в одном с ними регионе. И все-таки "национальная" или "региональная" специфика обнаруживается почти всегда, в том числе и тогда, когда речь идет о фундаментальных теоретических проблемах. В социологии находит выражение опыт социальной жизни. Если у нее есть особенности, они отразятся не только в данных эмпирических исследований, но и в теоретических понятиях. *Насколько в современном мире эта специфика сохраняется вопреки явлениям глобальной унификации, насколько вообще имеет место глобальная унификация, насколько области специфического социального опыта совпадают с привычными границами государств и регионов, – это, собственно говоря, и есть та проблема, с которой повсеместно приходится иметь дело теоретикам.* Но что значит "повсеместно"? Каковы принципы вычленения тех или иных регионов?

В недавнем прошлом эти вопросы могли носить преимущественно технический, прикладной характер. Это было связано с тем, что на заднем плане любых социологических построений присутствовали некоторые не дискутируемые самоочевидности, в том числе и самоочевидности политико-территориального членения мира. Государство, говорит выдающийся теоретик Э. Гидденс, и есть то "общество", с которым имеют дело социологи. Область компетенций государства соответствует его территории, а рассуждения о международной взаимозависимости только потому имеют смысл, что их носителями яв-

ляются государства-нации с их отчетливыми границами¹. По словам другого знаменитого социолога, Джона Урри, для классических теорий *привычна метафора общества-региона*. Это значит, что все социальные явления, процессы, структуры локализованы внутри политических границ государства, "содержащего в себе" общество. Именно к тому, что происходит внутри границ государства как своеобразного "контейнера", относились соображения о ценностном консенсусе, классовой структуре и социальном конфликте, институтах и ролевых комплексах и, конечно, о солидарности². Но в современном мире границы перестали быть самоочевидными и устойчивыми. Метафора "контейнера" потеряла свой прежний смысл, а глобализация вообще поставила под вопрос устойчивую территориальность социальных явлений. В этом контексте вопрос о том, *где* происходят социальные события, *где* располагаются институты и системы и т.п., является не схоластическим, но одним из наиболее актуальных теоретических вопросов. *Необходимо заново переосмыслить локальность, определить социологические характеристики места, региона и большого пространства*. Мы уже не можем положиться на самоочевидность, следует начинать работу над понятиями. Если этого не сделают социологи, их роль возьмут на себя представители иных дисциплин, прежде всего, социальной географии. И наоборот: плодотворное усвоение новаций, сделанных в социальной географии, может существенно обогатить теоретическую социологию.

Чаще всего социолог имеет дело с уже готовым знанием, уже проведенным членением – с одной стороны, политико-административным, с другой – научным, географическим. Но ведь дело не в компетенции той или иной дисциплины, а в теоретической состоятельности социологии, готовой или не готовой идти дальше и глубже: от самоочевидности размещения значимых для нее фактов к проблематизации всех фактических границ, к способу их производства, к социальной обусловленности, сконструированности пространственных определений. А если так, то ответ на вопрос "где?" будет также и ответом на вопрос "что?". Только ограничив какие-то социальные факты, только зафиксировав: здесь "наше", здесь "не наше", мы идентифицируем *свое общество* или *сообщество*, сколь бы размытыми и двусмысленными ни казались эти понятия. Идентичность "нашего", "своего" в мире глобальных связей и изменчивых границ должна быть как-то связана с локализацией! Поэтому вопрос "где?" – не простой вопрос. Ответ на него предполагает сложные методологические изыскания, которые назрели в нашей, как и в мировой теоретической мысли.

¹ Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 170-172.

² См.: Урри J. Sociology beyond societies. L. & N.Y.: Routledge, 2000. P. 8-9, 11, 31-32. См. также одну из новейших работ: Law J, Urry J. Enacting the social // <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/soc099jlju.html>.

Таким образом, методологическое исследование проблемы пространства в социологии актуально потому, что без него невозможно двигаться дальше в разработке общих вопросов теоретической социологии и в решении куда более конкретных проблем региональной идентичности. Понятие *региона* может быть удовлетворительно сформулировано только при методологически корректном решении проблемы *места*. Понятие места требует полноценного исследования роли человеческой *телесности* в социальном взаимодействии. Далее, столь же важным, как и понятие тела, является понятие *границы*. Границы – это одна из ключевых проблем современной эпохи. Проведение границ, изменение границ, жизнь в приграничном положении, превращение двусмысленного пребывания на границе в определенную социальную, культурную и ментальную характеристику – все эти феномены, хорошо известные нам именно как повседневные явления нашей социальной жизни, – могут быть поняты лишь при фундаментальной разработке понятия пространства. Споры о территориях, притязания на территории, перемещения с территории и на территорию также относятся к этому классу проблем. Глобализация не отменяет проблему территории. Ведь в новом, глобальном мире как раз из-за того, что государство с его территориальным суверенитетом перестает играть ведущую роль, появляется множество новых пространственных членений, локальных идентификаций и локальных солидарностей. Для нашей страны, территория которой является феноменом исторически сравнительно новым, обсуждение проблемы пространства является тем более насущным³. Что является, собственно, "локусом", местом пребывания, местом референции, основанием солидарности для множества новых и новых групп, – этот вопрос опять-таки имеет смысл лишь в том случае, если проблема пространства получила надлежащее методологическое прояснение. В этой цепочке: "граница – регион – место – тело" проблематика пространства обнаруживает свою первостепенную актуальность – как чисто теоретическую, так и в высшей степени практическую.

Таким образом, *развитие предметных исследований локализации социальных событий, развитие концепций глобализации, нарастающий интерес к теории и методологии, меняющейся под воздействием нового интереса к пространству, наконец, обостренное у большинства отечественных исследователей понимание региональной специфики социальной жизни российского общества обуславливают актуальность диссертации.*

Разработанность темы. Отношение социологов к пространству сильно менялось на протяжении истории дисциплины. Классическая социология выстраивалась в значительной степени по контрасту с более ранними детерминистскими концепциями, в кото-

³ Об этом свидетельствует, например, междисциплинарное обсуждение этой темы в авторитетном журнале "Отечественные записки". См.: Отечественные записки. 2002. № 6. Пространство России.

рых географическому местоположению, климату, ландшафту придавалось первостепенное значение. Разумеется, в той или иной форме это значение учитывалось и в позднейший период. Однако, в целом основные объяснительные схемы классиков социологии построены либо без учета значения пространства, либо – что еще более характерно – с учетом уже сложившихся политических и региональных членений. В нескольких фрагментах рассуждений Э. Дюркгейма (прежде всего, во вводных и заключительных рассуждениях его последней крупной работы "Элементарные формы религиозной жизни") мы можем найти гениальные наброски будущей социологической трактовки пространства. Однако, лишь Г. Зиммель в работе "Социология пространства" впервые дал имя той особой социологической дисциплине, которая видит в пространстве не просто тему, но проблему. Разумеется, и впоследствии, прежде всего, в русле Чикагской школы социологии, пространство, территория играли в высшей степени важную роль. Однако такого рода исследования чаще всего оставались прикладными. Даже в позднейших глубоких работах И. Гофмана⁴ мы не обнаружим тех теоретических высот, до которых поднимались Г. Зиммель и Э. Дюркгейм. Лишь в самые последние десятилетия, благодаря работам А. Лефевра, прославившегося книгой "Производство пространства"⁵, благодаря теории габитуса П. Бурдьё⁶, благодаря теории структуризации и прежде всего содержащейся в ней концепции "локала" Э. Гидденса⁷ социология пространства начала выходить на новый уровень. В это же время многие социальные географы стали более активно пользоваться теоретическими ресурсами социологии, внося свой вклад в текущую дискуссию. Среди них следует особенно выделить британского автора Н. Трифта и немецкого – Б. Верлена, работы которых нарушают дисциплинарные каноны и столь же важны для социологии, как и для географии⁸. В этот же ряд можно включить и труды упомянутых выше Э. Гидденса и Дж. Урри. Концептуально менее строго, но весьма эвристично выстроены работы американского социального географа Э. Соуджея, непосредственно опирающегося на сочинения Лефевра⁹

⁴ См., например: Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000, особенно главы 1 и 3, а также: Goffman E. Behavior in Public Places. Notes on the Social Organization of Gatherings. New York: The Free Press 1963.

⁵ См.: Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos. 3me éd., 1986.

⁶ См. прежде всего: Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии. 2001.

⁷ См., прежде всего, оба тома его работы "Современная критика исторического материализма": Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 1. Power, Property and the State. London etc.: Macmillan, 1981. Ch. 1; Giddens A. The Nation-State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism. Cambridge: Polity Press, 1985. Ch. 1.

⁸ См.: Thrift N. Spatial Formations. L. etc: SAGE; Werlen B. Benno Werlen. Gesellschaft, Handlung und Raum. Grundlagen handlungstheoretischer Sozialgeographie. 3., überarbeitete Auflage. Stuttgart: Franz Steiner. 1997.

⁹ См., прежде всего: Soja E. W. Thirdspace. Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell.

Наконец, в самые последние годы значительную активность в области социологии пространства проявляет немецкий социолог Е. Банго, предложивший, с опорой на общую теорию социальных систем Н. Лумана, оригинальную концепцию "социорегиона"¹⁰.

В отечественной литературе пространство также не осталось без внимания. Однако у нас до сих пор более важный вклад в исследование соответствующей проблематики вносили философы, историки, культурологи. Так, важное значение имеют труды М. М. Бахтина о понятии "хронотопа"¹¹, работы о социальном пространстве и времени в картине мира средневекового человека А. Я. Гуревича¹², изучение образов пространства в русской литературе В. Н. Топорова¹³. В социально-философском ключе эта тема стала предметом анализа в книге Г. Е. Зборовского¹⁴. Глубокому исследованию проблемы пространства посвящены и работы отечественных специалистов по социальной географии¹⁵. К осознанию важности данной темы именно в контексте теоретического анализа подходят в последнее время и некоторые социологи¹⁶. Однако *систематическому изучению пространства в связи с базовыми категориями и проблемами социологии до сих пор не было посвящено специальных исследований*.

Кроме того, данное диссертационное исследование по своему содержанию и замыслу также отличается:

во-первых, от исследований *социального пространства*, т.е. расположения позиций, статусов и т.п. в упорядочивающей их мыслительной схеме, пространством называемой лишь метафорически;

во-вторых, от *социальной географии*, которая во многом пересекается с социологией, но не совпадает с ней как по способам обоснования своих категорий, так и по основным интенциям;

¹⁰ См.: Bango J. Auf dem Weg zur postglobalen Gesellschaft: Verlorenes Zentrum, abgebaute Peripherie, "erfundene" Region. Berlin: Duncker & Humblot, 1998; Bango J. Theorie der Sozioregion. Einführung durch systemische Beobachtungen in vier Welten. Berlin: Logos-Verlag, 2003.

¹¹ См.: Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.

¹² См., прежде всего: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

¹³ См.: Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995.

¹⁴ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1974.

¹⁵ См. из последних публикаций, прежде всего: Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001; Замятин Д. Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.

¹⁶ Пространство и время в современной социологической теории / Качанов Ю.Л. (отв. ред.), Бикбов А.Т. (ред.-сост.). М.: Институт социологии РАН, 2000. Сюда же следует отнести и совсем недавно появившуюся глубокую работу по *антропологии пространства* В. А. Тишкова, опубликованную в электронном "Этно-журнале". См.: Тишков В. А. Культурный смысл пространства // http://www.ethnonet.ru/lib/0803-02.html#_edn16.

в-третьих, – от таких дисциплин, как *урбанистика и социальная экология*, в русле которых дается трактовка важнейших вопросов социологии пространства, но отсутствует ее полное и систематическое представление.

Научная новизна.

В данной работе мы исходим из того, что, несмотря на все теоретические новации последнего времени, а также несмотря на очевидный кризис современной теоретической социологии и успешное соперничество с ней самых разных исследовательских направлений, *та линия теоретизирования, которая была некогда заложена классиками дисциплины*, еще не исчерпала своего потенциала и может быть эффективно продолжена в том числе и по отношению к пространству.

Научная новизна диссертации состоит в следующем:

Во-первых, нами предложена *оригинальная трактовка пространства*. Применительно к социологии пространство рассматривается как *гибкая смысловая схема, позволяющая упорядочивать наблюдения действий и взаимодействий*. Принципиальной характеристикой такой схемы является идентификация наблюдателя и действующих как *тел*, занимающих *места*, и квалификация пространства в зависимости от социально-исторических определений тела, места и движения.

Во-вторых, нами *впервые продолжен тот подход, начало которому положил Георг Зиммель и который в полной мере не был оценен ни его современниками, ни последующими поколениями социологов*. Социология пространства Зиммеля *впервые* рассматривается не как исторически преодоленный этап в эволюции идей, но как *недооцененный*, подлежащий преумножению и применению на практике ресурс социологических описаний.

В-третьих, в диссертации *впервые предлагается опыт последовательного рассмотрения пространства на всех уровнях социального взаимодействия различной степени сложности*. Это позволяет поставить вопрос об *элементном составе* социальности и обосновать *новую концепцию события как пространственно-временного элемента* социальных явлений.

В-четвертых, новизна диссертации заключается в рассмотрении проблем социологии пространства с точки зрения *теоретической логики* в социологии. В диссертации предлагается ряд *оригинальных трактовок теоретического плюрализма*, соотношения теории и метафор в исследованиях пространства, совмещения в рамках одной концептуальной схемы нескольких исследовательских подходов, а также *практически реализуется* попытка многомерного рассмотрения заявленной темы с использованием совершенно несходных между собой теоретических ресурсов.

В-пятых, в диссертации обосновывается *оригинальная основная схема* социологии пространства, которая может послужить концептуальным каркасом не только теоретических, но и прикладных исследований. Эта схема опирается на *основные интуиции* пространства и *базовые различия* наблюдения событий в пространстве, что позволяет совмещать самые разные подходы к пространству, сравнивать их, переводить понятия одного в понятия другого, то есть добиться концептуального единства разнообразных пространственных описаний.

Цель диссертации заключается в том, чтобы разработать социологическую концепцию пространства, начиная от пространства простейших взаимодействий и кончая так называемыми "большими пространствами".

Эта цель реализуется через решение ряда *конкретных задач*:

- определение места проблематики пространства в социологии;
- подбор теоретических ресурсов, пригодных для исследования проблематики пространства, и разработку конкретных приемов совмещения в одном исследовании вполне разнородных ресурсов;
- обоснование исходных положений социологии пространства;
- выстраивание концептуального аппарата социологии пространства и многомерное представление ряда основных понятий социологии с точки зрения социологии пространства.

Основной научный результат диссертации состоит в том, что она предлагает методологически проработанный и внутренне когерентный концептуальный каркас описаний и объяснений социальных феноменов действия, взаимодействия, размещения и перемещения в пространстве. Это находит свое выражение в переосмыслении ключевых понятий социологии: "действие/взаимодействие", "смысл", "власть", "коммуникация". Их трактовка привязана к трактовке понятий "место", "регион", "большое пространство", интерпретируемых в рамках основной схемы социологии пространства.

Методологической основой диссертации является тот комплекс фундаментальных социологических концепций, который получил обобщенное наименование "классическая социология" и связан с именами М. Вебера, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Т. Парсонса. Ключевую роль здесь сыграли, как уже сказано, работы Г. Зиммеля. Кроме того, в философских аспектах разработки темы мы опирались: в трактовке смысла пространства – на труды крупных представителей феноменологического движения (Э. Гуссерль, А. Шюц, Э. Штрёкер, М. Мерло-Понти и, до известной степени, М. Хайдеггер), а в трактовке события – на труды А. Н. Уайтхеда и Дж. Г. Мида. При разработке понятия наблюдения, в трактовке различия и коммуникации мы опирались (существенно корректируя концеп-

цию события) на фундаментальную социологическую теорию Н. Лумана, а в трактовке устойчивых социальных фигур размещения, локалов, – на труды Э. Гидденса.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Локализация социальных феноменов в пространстве является одним из важнейших параметров всех явлений, изучаемых социологией.

2. Пространство является для социолога гибкой смысловой схемой, служащей организации данных опыта, поскольку наблюдатель и наблюдаемое идентифицируются как действия и взаимодействия тел.

3. Действия, взаимодействия и коммуникация могут быть локализованы в пространстве как элементарные *события*, что позволяет описывать социальные феномены любой сложности как пространственно-временные.

4. *Смысл пространства* выступает одновременно и способом организации наблюдаемых событий, и продуктом социально-смысловых отношений и связей. Смысл тела и всех локализаций меняется в зависимости от культурно-исторических обстоятельств. Это требует выработки определенной теоретической стратегии, позволяющей работать *одновременно* с понятиями и с метафорами, с абсолютными характеристиками пространства и тела и с результатами социокультурного смыслопроизводства.

5. Для любого социологического исследования пространства принципиальное значение имеет *операциональное*, т.е. сопровождающее любую завершенную последовательность рассуждений, различение 1. пространства наблюдателя и пространства наблюдаемого; 2. места тела (зоны манипуляции), региона (области возможных перемещений и коммуникаций) и общей идеи пространства. Благодаря этой схеме различений любые социальные дисциплины, имеющие отношение к пространству могут обогащать друг друга, опираясь на общий концептуальный каркас.

6. Предметом социологических описаний должны стать многообразные *смысловые единства*, в которых аналитическое вычленение *физической* (телесной) и *социокультурной* (собственно смысловой) составляющей может быть плодотворным лишь при осознании исторической относительности и социальной сконструированности обеих категорий. Вместе с тем, пространство не следует превращать в текст (в самом широком смысле этого слова). Сам смысл пространственности состоит в том, чтобы быть чем-то, кроме смысла, чем-то превосходящим символические коды и навязывающим себя нам с той несомненностью, которая неведома текстам.

7. Центральным социологическим понятием с точки зрения пространства является "власть". Места, регионы и большие пространства могут трактоваться как "контейнеры

власти". Но метафорика контейнера не может претендовать на исключительность. С ней начинает успешно конкурировать метафорика сетей и потоков.

8. Центральная задача продуктивного социологического исследования состоит в том, чтобы в наблюдениях и описаниях социальной жизни идентифицировать подобающую метафорику, прояснить ее смысл при помощи подходящих теоретических ресурсов, исследовать историческую обусловленность смысла пространства, поскольку он значим для участников взаимодействий и отрефлексировать собственные образы пространства и понятия размещений. Именно это позволит, с одной стороны, серьезно продвинуться в деле развития общей социологической теории, а с другой, – выявить существенные аспекты многообразной изменчивой социальности.

II. Апробация диссертации

Основные положения диссертации разрабатывались автором в течение более чем десятка лет и были апробированы в научных публикациях, при создании учебных курсов, а также на социологических конференциях в России и за рубежом.

Учебный курс "Социология пространства" прошел процедуру валидации в Манчестерском университете (Великобритания) и читается в течение последних шести лет на факультете социологии Московской Высшей Школы социальных и экономических наук (Российско-Британского постдипломного университета). Учебный курс "Тело, пространство и время в социальной теории" читается на факультете социологии Государственного университета – Высшая школа экономики.

Положения диссертации, связанные с характеристиками большого (имперского) пространства были доложены на социологических конгрессах:

Дюссельдорф (1992, съезд немецких социологов),

Кельн (1997, конгресс Международного Института социологии),

Фрейбург (1998, конгресс немецко-говорящих социологов).

Положения диссертации, связанные с трактовкой пространства в контексте глобализации были доложены на:

Первом Российском социологическом конгрессе (2001, Санкт-Петербург),

Конференции Сообщества профессиональных социологов "Аномия в России: тенденции на рубеже столетий" (2001, Москва),

Международной научной конференции "Традиционные и новые ценности: Политика, социум, культура" (2001, Москва),

Всемирном социологическом конгрессе (2003, Брисбен, Австралия).

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите кафедрой социологии МГИМО (У) МИД РФ.

III. Структура диссертации.

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и списка использованной литературы.

IV. Содержание диссертации.

Глава первая. Теоретическая логика социологии пространства.

В первой главе проблема социологии пространства ставится в связи с проблематикой общей социологии. Здесь поставлен вопрос о характере теоретических рассуждений и, более узко, *теоретической логики* в социологии. Надежность высказываний, формулируемых преимущественно без обращения к данным опыта, без обобщения данных, полученных в ходе эмпирических исследований, в принципе, может быть поставлена под сомнение. Ориентация на исключительную работу с понятиями нуждается в дополнительном обосновании. В XX в. такому обоснованию придавали большое значение, например, Т. Парсонс и Н. Луман, которые обосновывали тем самым состоятельность своих теорий. Однако, в наши дни речь не может идти о том, чтобы ограничиться лишь одним готовым ресурсом, придерживаться лишь одной готовой теории. Господствующей теоретической концепции, которую можно было бы просто "достроить" за счет обращения к пространству, в социологии нет.

Мы отталкиваемся от некоторых положений известной книги Дж. Александера¹⁷, чтобы рассмотреть эту тему в нескольких аспектах: 1. Необходимо выяснить, как соотносятся между собой понятия, взаимосвязанные в рамках теории, и "действительность", научное описание которой возможно лишь в теоретических понятиях. 2. Необходимо выяснить, в каком смысле можно говорить о дотеоретическом знании и что собой представляет теоретическое осмысление дотеоретического опыта. 3. Следует определить, что такое подлежащий изучению факт и каким образом можно для теоретического осмысления фактов воспользоваться многообразием имеющихся научных ресурсов. Исследованию этих вопросов посвящены *параграфы первый и второй* данной главы.

Однако, теоретическая логика может быть противопоставлена не только действительности и факту. Ответственное отношение к производству научного знания заставляет нас рассмотреть и ту проблему, которую часто называют противоположностью интерна-

¹⁷ См.: Alexander J. C. *Theoretical Logic in Sociology*. Vol. 1. Positivism, Presuppositions, and Current Controversies. London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1982.

листского и экстерналистского подходов к науке. Знание, в том числе научное знание, производится живыми людьми, вступающими в социальные отношения между собой. Зависит ли деятельность теоретического осмысления от этих социальных отношений? Зависит ли вообще "внутреннее" (логика теории) от "внешнего" (действительность как она есть, включая действительность производящих знание ученых)? Сама постановка этого вопроса, как показано в *параграфе третьем*, выводит нас к проблематике пространства. Мы основываемся при этом на некоторых изначальных интуициях, прежде всего, интуициях телесного размещения наблюдающих (ученых) и наблюдаемых (участников исследуемого социального взаимодействия). Однако, это не интуиции фактов, а **интуиции различий**, которые может и должен проводить наблюдатель социальных событий, если он фиксирует эти события именно в пространстве и при этом рефлектирует собственное расположение в пространстве в качестве **живого тела**. То обстоятельство, что это именно *живые* тела и что как наблюдатель, так и наблюдаемые являются участниками социальных отношений, не отменяет того, что они суть именно тела-в-пространстве и как таковые могут быть предметом формально-математического или формально-логического описания. Исследование в перспективе геометрического и формально-логического подходов, исследование в перспективе живого человеческого тела и исследование в перспективе социального взаимодействия – это взаимно несводимые перспективы исследования пространства. Предлагаемые нами различия должны показать эти перспективы как позиции выбора – и в русле теоретической дедукции, и в русле ориентации между существующими концепциями пространства.

В *параграфе четвертом* показано, что при всей своей очевидности эти различия не являются исчерпывающими и догматическими. Они могут и должны быть проблематизированы, каждое из них может быть поставлено под сомнение, а теоретическое решение требует не только логического развития основоположений, но и обращения к имеющимся ресурсам описаний – как классическим, так и современным социологическим концепциям.

Теории, среди высказываний которых ориентируется и по отношению к которым определяет свою позицию теоретик, могут рассматриваться либо как набор конкурирующих описаний, либо именно как ресурсы, использование которых позволяет выстроить собственную, более обоснованную теорию. Точнее говоря, именно конкуренция описаний является одним из мотивов для построения новой теории, а это, свою очередь, не исключает отношения к конкурирующим теориям как к ресурсам. До тех пор, пока его собственная теория не завершена, теоретик сравнительно свободен в выборе шагов рассуждения и, значит, в отношении к другим теориям. Разумеется, полноценная теория нуждается в высокой когерентности высказываний, и чем дальше она выстроена, тем меньше степени

свободы, допустимый уровень произвола, тем менее возможны теоретические авантюры. Однако она с самого начала может выстраиваться таким образом, чтобы обеспечить и впоследствии свободу маневра. И эта свобода тем больше, чем яснее предварительная ориентация позволяет обнаружить, что понятия, которыми оперирует исследователь, *контингентны*, как сказал бы Луман, т.е. они могли бы быть и другими (пока не соотнесены друг с другом, не замкнуты в самореферентную систему теории). Каждый следующий шаг рассуждений сужает поле возможностей выбора, пока, наконец соотнесение между собой понятий и высказываний новой теории не станет главным мотивом исследователя.

Возможно двоякое отношение теоретика к альтернативам: их последовательное исключение в стремлении выстроить безальтернативную дедукцию или последовательное оперирование с ними, что представляет для нас особый интерес. Ведь это значит, что наборы понятий и высказываний, привлекаемых для теоретического осмысления, могут сочетаться не только в виде единой последовательности, но и по принципу "либо/либо". Именно при формировании набора альтернатив, при поиске приемлемых способов сочленения высказываний логический каркас теории, т.е. собственно теоретическая логика, выступает на передний план на фоне сравнительно бедного содержания. *Сводя вместе и разводя как альтернативы прежде существовавшие и новые описания, теоретик, ориентированный на проблемы теоретической логики, концентрирует больше ресурсов, чем может быть использовано в последовательной теории.* Он более полно исследует логические возможности совмещения способов рассуждения, не только область возможного единства, но и область возможного взаимного исключения. Однако, даже и в этом случае мы имеем дело с осмыслением некоторого дотеоретического опыта.

"Иметь дотеоретический опыт" для социолога значит иметь интуицию социального. Еще не будучи определена в понятиях, социальность уже *созерцается* наблюдателем. Она интуитивно прозревается им, как и всяким участником социального взаимодействия. Она также *осмыляется* в понятиях, а они сопрягаются с созерцанием (говоря традиционным философским языком), будучи от него удалены в большей или меньшей степени. Поскольку теоретические понятия просачиваются в обыденный опыт, а интуитивно прозреваемое то и дело обретает вид понятия, будучи в лучшем случае *метафорой*, различие между созерцаниями и понятиями не имеет здесь строгого философского характера. Подобно различению факта и теории, различение опыта и понятия имеет релятивный, соотносительный с концепцией и "стилем мышления" характер.

Скромно воздерживаясь от окончательного вердикта, а значит, и от критериев роста знания, исследователь теоретической логики может сосредоточиться *на изучении граничных условий определения в теории характера "действительности", принципов "истори-*

ческого *априори*" (М. Фуко), лежащего в ее основе, и способов взаимосвязи базисных высказываний. Эти задачи не тождественны процедуре определения истинной или наиболее приближенной к истине теории среди множества равно логически непротиворечивых систем, как это предполагается, например, в классическом фальсификационизме. Проблема состоит не в наилучшей способности объяснения и предсказания, определяемой для некоторой общей для ряда теорий области фактов, но в том, *что* считать значимым фактом и *что* (в особенности, как это характерно для социальных наук, в отсутствие предсказаний,) – значимым объяснением.

Исследование в области теоретической логики не бессодержательно, поскольку включает высказывания, относящиеся к действительности, т.е. выступает в качестве ее теоретического осмысления; оно принципиально открыто и не завершено; оно тематизирует не только положения науки, но и более широкую смысловую область культуры. Именно так мы и намерены рассмотреть предпосылки нашего исследования по социологии пространства *как изначально слабо обоснованного, ориентирующегося между существующих теорий, открытого, предварительного, дизъюнктивного и при том говорящего также нечто и о самой действительности рассуждения.*

Для социологии пространства отсюда следует важнейший вывод. Мы принимаем как не требующее доказательств, что пространство всегда доступно созерцанию и воображению и в этом смысле в начале не нуждается в определениях. Таким образом, мы различаем чисто логические (логико-математические и т.п.) определения пространства и то, что в принципе доступно наглядному представлению. Мы различаем далее значение пространства в зависимости от перспективы наблюдателя. Мы различаем перспективу наблюдения с точки зрения социолога, не участвующего в наблюдаемых коммуникациях (это теоретическая фикция, но как таковая она значима для наблюдения), и перспективы наблюдения самих участников коммуникации. Мы различаем, наконец, понятие пространства в собственном смысле (пространство тел, имеющих форму и дистанцированных друг от друга, пространство мест, где тела могут быть размещены), понятие пространства в обобщенном смысле (как порядок сосуществования произвольно избираемого многообразия) и понятие пространства в метафорическом смысле (прежде всего, социальное пространство как порядок социальных позиций). Сформулируем теперь некоторые из этих различений более подробно.

1. Наблюдатель социальных событий может усмотреть, что тела участников социального взаимодействия неким образом размещены относительно друг друга, причем их *отстояние* друг от друга, *движение* относительно друг друга, их *места* и другие пространственные характеристики значимы для взаимодействия.

1.1 Наблюдатель принимает в расчет не пространство взаимодействия, каким его видит он сам, но значение, какое придают пространству вообще и пространству взаимодействия в частности участники взаимодействия. Он отличает, таким образом, представления о пространстве: свое видение пространства и видение пространства участниками наблюдаемого взаимодействия (социальные представления о пространстве).

1.2. Наблюдатель различает два вида социальных представлений о пространстве: само собой разумеющееся для участников взаимодействия пространство и пространство как смысловую тему, как нечто обсуждаемое, структурирующее коммуникацию.

Наблюдатель различает, таким образом:

- a) свое видение пространства взаимодействия,
- b) самоочевидное для участников взаимодействия значение пространства, и
- c) пространство как оно рефлектируется и обсуждается участниками взаимодействия.

2. От объективного размещения тел и способов его тематизации наблюдатель отличает множество социальных определений участников взаимодействия и говорит о социальном пространстве как *порядке одновременного многообразия, порядке сосуществования вообще*. Это общее понятие пространства может быть затем специфицировано применительно к *социальным позициям* и порядок их взаиморасположения и взаимоопределения назван *социальным пространством*.

Таким образом:

- a) созерцание пространства тел и мест тел обобщается,
- b) общее понятие порядка размещения специфицируется и
- c) одной из таких спецификаций выступает социальное пространство, которое, с точки зрения пространства тел и мест тел, оказывается *метафорой*, а с точки зрения общего понятия порядка – равноправной, наряду с пространством тел и мест тел, спецификацией.

3. Наблюдатель может рассматривать пространство:

- a) как нечто обозримое, в том числе место данного тела или тел, и
- b) как большое пространство, обнимающее непосредственно созерцаемые места. Большое пространство, в свою очередь, может быть охарактеризовано как совокупность или вместилище мест, и c) как необозримое, в принципе непостижимое для созерцания.

Такое различие – **пространство как место / пространство как место мест / пространство как понятие или идея** – должно быть проведено в рамках каждого из названных выше различий, однако и другие различия могут накладываться друг на друга, образуя более сложные классификации.

Основные результаты главы первой.

В результате наших рассуждений, мы установили, в чем состоит специфика того особого жанра теоретизирования, который можно называть "теоретическая логика в социологии". Мы установили:

1. Особое значение исследования по теоретической логике имеют тогда, когда в нашем распоряжении нет бесспорных теоретических конструкций, которые бы годились для описания всех важных обстоятельств нашего дотеоретического опыта.
2. Факты, подлежащие теоретическому осмыслению, принадлежат к той области возможных фактов, которая определяется в теории.
3. Напряжение между теорией и действительностью в особенности сильно тогда, когда в нашем распоряжении имеется несколько видов научных ресурсов (например, несколько конкурирующих теорий), ни один из которых не является совершенно исчерпывающим и удовлетворительным. Решение в пользу одного из них не может иметь теоретического обоснования. Оно является вненаучным и интуитивным.
4. То обстоятельство, что теории производятся людьми из плоти и крови выводит нас напрямую к проблематике пространства. Мало того, сама состоятельность теории, ее способность быть чем-то иным и большим, нежели тавтологическая дедукция, предполагает "существование пространства", протяженных вещей и событий вне теории.
5. Интуиции пространства столь же неизбежны, сколь и сложны. Мы попытались представить в качестве основополагающих различений, работать с которыми должен – в более или менее отрефлектированной форме – всякий исследователь, намеревающийся выстроить социологию пространства. В особенности важны различения между местом наблюдателя и местом участников взаимодействия. На этом основана концептуализация пространственной интерпретации **социального события**.
6. Тем не менее, проведение различений открывает нам важную проблему: социологическая интерпретация пространственности взаимодействия может быть решительно противопоставлена позитивному (научному) подходу к пространству как общей идее порядка, сублимированной из осмысления мира протяженных вещей и вновь опрокинутой на него в формально-логических интерпретациях. Непродуктивность сведения любых определений пространства к формальным концепциям порядка подталкивает нас к тому, чтобы представить его как некое многообразие интуитивно данных первичных качеств. Но слишком далеко заходя в этом направлении, мы оказываем в плену метафорики, общезначимость которой сомнительна и научная состоятельность, по меньшей мере, спорна. Наша принципиальная позиция состоит в

том, чтобы отказаться здесь от преждевременного выбора в пользу одной из перспектив и попытаться воспользоваться преимуществами каждой из них.

То, что такого рода исследование действительно возможно, что неразрешимость некоторых последних философских вопросов отнюдь не препятствует научной продуктивности, мы могли сначала только декларировать. В следующей главе мы демонстрируем это на классическом примере, анализируя "Социологию пространства" Георга Зиммеля.

Глава вторая.

Социология пространства Георга Зиммеля.

Работа Зиммеля – классический ресурс теоретического познания. В ней можно черпать как сугубо позитивное знание, так и опыт философского разрешения сложных теоретико-методологических вопросов социологии пространства. Сколь бы ни был, в конечном счете, неудовлетворителен этот опыт, мы в любом случае вправе назвать его поучительным. Как и позитивные результаты Зиммеля, он имеет непреходящую ценность для науки. После постановки вопроса в самой общей форме нет лучшего способа войти в тонкую и в высшей степени сложную проблематику, чем проследить за работой выдающегося мыслителя. Зиммель натолкнулся в своих исследованиях на нечто такое, что осталось не просто непонятным, но именно *неинтересным*, не значимым не только для его современников, но и для многих социологов последующих поколений. Этим определяется характер нашего изложения. Несмотря на историко-социологические экскурсы и в ряде случаев достаточно подробный текстологический анализ, оно *менее всего носит характер исторического исследования*.

В *первом параграфе* данной главы дается экспозиция сочинений Зиммеля, посвященных пространству, подробно рассмотрен замысел и постановка задачи в рамках его большой "Социологии"¹⁸, прежде всего, в главе "Пространство и пространственные порядки общества".

Зиммель начинает свое исследование с критики представлений о пространстве как некоторой причиняющей силе. Он указывает, что эта критика носит *кантианский* характер. Далее он говорит, что в некоторых ситуациях все-таки следует акцентировать значение пространства для социальных взаимодействий. Отсюда Зиммель переходит к первому большому разделу своего труда (I.), в котором рассматриваются *основные качества пространства как формы*, "которые учитываются в формообразованиях совместной жизни

¹⁸ См.: Simmel G. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 11. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992.

[Gestaltungen des Gemeinschaftlebens]"¹⁹ (690). Раздел I. членится на подразделы (от А. до Е.). В подразделе А. речь идет об *исключительности пространства*, т.е. невозможности нахождения на одной территории социальных образований, которые идентифицируются именно с ней (так, исключительны территории города или государства). В подразделе В. Зиммель рассматривает членение пространства на части, "которые значимы как единства и... очерчены границами"²⁰. Анализу того, как социальные формообразования фиксируются в пространстве, посвящен раздел С., а проблемам чувственно воспринимаемой близости или дистанции – подраздел D. В подразделе Е. рассматриваются движения в пространстве, а именно: (1) формы обобществления, возникающие в перемещающейся группе, и (2) формы обобществления, возникающие тогда, когда передвигаются только некоторые члены группы. В разделе II. Зиммель рассматривает то "воздействие, которое оказывают на пространственные определения группы ее собственно социологические формообразования и энергии"²¹. Здесь тоже есть подразделы (от А. до D.), посвященные рассмотрению следующих вопросов: А. дифференциация группы по пространственным признакам; В. пространственное выражение господства; С. размещение сообщества в своем собственном "доме" и D. значение пустых и нейтральных пространств.

Перейдем теперь к постановке проблемы. Зиммель весьма решительно заявляет в начале своей работы самый абстрактный, философский исходный пункт. Он разграничивает *пространство* и *причину*. Даже там, говорит Зиммель, где имеются, кажется, все основания усмотреть причинное действие пространства (как и времени), такого действия на самом деле нет. Итак, о каком, собственно пространстве идет речь? Что действует и что не действует на людей? Пространство, говорит Зиммель, это форма, а форма не действует. Отдельные части пространства, говорит он тут же, синтезируются душой, они-то и имеют значение. Иными словами, есть какое-то пространство как форма, которая действующей причиной быть не может; есть отдельные части пространства; и именно деятельность души по членению пространства и синтезу его частей подлинно важна. Не выглядит ли дело так, что нам предстоит исследовать соотношения разных душевных функций (например, той, что членит и синтезирует пространство, и той, что мотивирует действия)? Но тогда что означают слова о непосредственности пространства, к которой подсоединяются категории синтеза? Или, иначе и короче: идет ли, в конце концов, речь о соотношении разных функций души, так что она испытывает (каузальное?) действие того, что сама и произво-

¹⁹ Ibid. S. 690.

²⁰ Ibid. S. 694.

²¹ Ibid. S. 771.

дит, или же речь идет о двух разных значениях пространства, двух разных пространствах, находящихся в пока что не проясненном, но необходимом отношении?

Это изложение приводит нас к необходимости более подробно исследовать философскую составляющую в социологии Зиммеля, многим обязанного кантовскому априоризму и учению о формах созерцания. *Второй параграф* посвящен сопоставительному анализу философии пространства И. Канта и социологии пространства Зиммеля. Здесь показано, в частности, что обращение Зиммеля к философии, с одной стороны, совершенно необходимо в контексте его построений, но, с другой стороны, оно позволяет скорее заострить некоторые проблемы, нежели решить их теоретически последовательным образом. Поскольку Зиммель опирается на Канта, его интерпретации представляются любопытными, хотя и далеко не бесспорными (так, например, он стремится доказать, что Кант не разделял воззрение на пространство как единое и единственное "большое вместилище", "контейнер", а бесконечность его представлял себе как бесконечность синтезирующей деятельности души). Вместе с тем, последовательно кантианская (или хотя бы за кантианскую выдаваемая) точка зрения лишает опоры те социологические построения Зиммеля, которые было бы трудно обосновать как раз без идеи "пространства-контейнера" (например, продуктивную концепцию "исключительности пространства"). Но отсюда можно сделать вывод, что социологические построения Зиммеля представляют ценность сами по себе, независимо от их философской состоятельности.

Основные результаты исследований Зиммеля изложены в *третьем параграфе*. Они распадаются на две части: во-первых, это результаты в сфере абстрактной теории, переходящей в не всегда последовательное философствование; во-вторых, это собственно социологические результаты, полученные благодаря анализу многообразных и несходных между собой случаев, когда значение пространства для социальных событий достаточно велико. В этом же параграфе показана взаимосвязь между социологической концептуализацией пространства и привычной социологической терминологией.

Пожалуй, самое важное, что устанавливает Зиммель, это *многообразие видов пространства*. Это многообразие видов отчетливо профилируется как *многообразие смыслов*. Пространство может иметь разный смысл в разных контекстах! Итак, изначально, оспаривая идею о воздействии пространства на поведение человека, Зиммель становится на точку зрения философа-кантианца. Он не касается вопроса о том, разделяют ли взаимодействующие лица эту идею пространства. Еще раз: пространство чисто, однородно и как такое есть априорная форма чувственности, без какого бы то ни было каузального действия. Далее Зиммель говорит, что пространство как фактор может быть все-таки важным для ученого с его исследовательским интересом. Это обосновывается именно тем, как воспри-

нимается и практически востребуется пространство людьми, о которых теперь идет речь. Пространство может быть заселено, но для людей, его населяющих, оно остается, при определенных условиях, практически все еще "ничем". И хотя теоретик "знает", что пространство есть не более чем форма созерцания, мы обнаруживаем, следуя его изложению, что пространство – это также некий "кусочек почвы", заселенный людьми, что он может быть для них и пустым "Ничто", и неким "Между", наполненным их взаимодействием и практической, востребующей его деятельностью, и уникальным, исключительным местом размещения тех или иных социальных образований.

Это указывает на социологический факт первостепенной важности: В социальных ситуациях, в представлениях людей конкретный участок территории, определенная "почва" могут играть ту же роль, что и абстрактные, философские и математические идеи пространства в рассуждениях современного теоретика. Исследование взаимодействия людей, поскольку его пространственный контекст считается важным, предполагает возможность параллельного, но вместе с тем дифференцированного изучения:

1. Того, как фактически соотносится то или иное социальное образование с пространством, понимаемым некоторым абстрактным, философско-математическим образом, причем философия, конечно, не обязательно должна быть философией Канта, а геометрия – геометрией Евклида;
2. Того, как представляют себе пространство сами взаимодействующие (поскольку это важно для взаимодействия). Соотнесение этих двух перспектив, перспективы исследователя и перспективы исследуемых, ставит нас перед социологической проблемой понимания. Или иначе: классическая проблема понимающей социологии имеет отношение также и к социологии пространства.

Отсюда мы можем сделать шаг еще к важнейшей категории *границы*. Зиммель говорит, что есть некоторые "качества пространства", которые позволяют, так сказать, покрепче связать себя с той или иной его "частью", почувствовать "солидарность" с ним. Это возможно только тогда, когда есть, собственно, "кусочек", т.е. когда есть *ограничение, граница*. Не обязательно даже, чтобы это была естественная граница в общепринятом смысле слова. Конечно, иногда горы или реки, образующие естественные препятствия общению между людьми, налагают свой отпечаток на состояние общества. Однако важнее то, что именно в тех случаях, когда таких естественных подпорок или зацепок нет, душевные усилия, вложенные в этот кусочек пространства оказываются тем больше, а привязанность к нему и его социальное значение – ощутимее. Следующий важный момент: пространственная закреплённость. Она возможна в двух видах: либо как требование непосредственного присутствия членов группы в каком-то месте (кульминацией чего является совре-

менное понятия государственного гражданства), либо как "точка вращения" (Drehpunkt). Последнее означает, что только в данном и ни в каком другом месте могут соприкасаться между собой элементы, в остальном независимые (таково, например, место отправления правосудия). *Место* служит центром кристаллизации социальных связей, которые, будь они иначе, непространственно ориентированы и оформлены, не приобрели бы такой определенности. Отсюда Зиммель переходит к *чувственной* близости и дистанции. Он говорит, в частности, о том, что неразвитые души еще в малой степени проводят различие между собой и окружением. Их понимание пространства чувственно-конкретно. Напротив, житель современного большого города склонен к интеллектуализму и абстракции, ему безразлично близкое и интересно пространственно удаленное.

В "Социологии пространства" мы находим и много других тонких наблюдений и убедительных рассуждений. Однако, Зиммелю не удалось выстроить их как последовательное, систематическое описание.

Очевидно, что новые и новые наблюдения не дадут прироста знания, пока *эстетический принцип*, предполагающий взаимную несводимость разнокачественных созерцаний, не будет отрефлективирован как таковой. Между тем, именно от этого и пытается уйти Зиммель, опираясь на Канта и его абсолютное, бескачественное и пустое пространство. Любое его заполнение результатами нашей деятельности, будь то практическое преобразование вещей или теоретическое осмысление, ставит под сомнение эту абсолютную пустоту – или, во всяком случае, выводит предмет рассмотрения из области позитивной науки и ее регулярностей в зону эстетического любования данностью.

Основные результаты главы второй.

1. Социология пространства Зиммеля вписывается в ту постановку вопроса, которую мы привыкли называть классической. А поскольку социологическая классика в значительной мере повлияла на концепции, находящиеся в основном русле социологии, то и социология пространства как общая социология оказывается не столько рискованной новацией, сколько использованием тех теоретических ресурсов, которым до сих пор придавалось недостаточно внимания.
2. Для социологии очень важно размежеваться с любыми версиями пространственного (географического) детерминизма: климатическим, ландшафтным и какими бы то ни было еще. Однако, на этом пути ей двусмысленную службу может сослужить обращение к философии Канта. С одной стороны, вся классическая социология до Парсонса включительно, в том числе и Зиммель, является кантовской. С другой стороны, кантовское учение о формах созерцания напрямую неприменимо в социологии. Социолог, подобно географу, имеет дело не с "пространством вообще", а с

определенными значимыми фрагментами пространства. Однако значение этих фрагментов не сводится к комплексу объективных детерминант – размеру территории, особенностям ландшафта и климата, наличию или отсутствию природных границ

3. Подлинно социальное значение имеет смысл пространства или, точнее говоря, именно тех фрагментов пространства, которые мы называем территориями, местами, регионами. Смысл пространства – сложное образование. Он не может быть произвольно приписан любому участку территории, но он и не связан однозначно с ее объективными, описанными позитивной наукой характеристиками. Смысл территории, границы, пребывания, места, движения обнаруживается в практике социальной жизни, и он находит себе подтверждение в этих объективных характеристиках. При этом формирование, изменение, увеличение или уменьшение значения смысла пространства происходят, с одной стороны, в соответствие с логикой смысла, а с другой стороны, – непременно с учетом объективности.

4. Смысл социален. Близость и удаленность, наличие или отсутствие своего места, идентификация местоположения человека или группы с малым или обширным пространством, пустота, нейтральность пространства и многое другое суть сугубо социальные определения. Социальная жизнь устроена таким образом, что все эти характеристики могут получить как чисто социальное значение, так и дополнительное значение объективных дистанций. И задача исследователя состоит в том, чтобы аналитически различать разные уровни описаний и разные стороны многообразного феномена.

5. Интуиции основных различий, о которых речь шла в главе первой, на самом деле является вполне рабочей, хотя Зиммель и не придавал значения такой формализации. Мы встречаем у него внятную, хотя и не прописанную, концепцию наблюдателя, различение наблюдателя и наблюдаемых, понятие о месте тел наблюдаемых в отличие от осмысления этого места как ими самими, так и наблюдателем, наконец, важную идею большого пространства как схемы созерцания. Наибольшую ценность из всего этого имеет, конечно, демонстрация многосмысленности одного и того же, с точки зрения объективной фактографии, фрагмента пространства. Напротив, место наблюдателя никак не концептуализировано Зиммелем, а проблематика социального события не затрагивается в работах о пространстве.

Глава третья.

Тела и пространства.

Данная глава является центральной для диссертации. Она содержит последовательное изложение ее результатов, достигнутых посредством логического анализа тех

различений, которые были получены в главе первой. Продуктивная работа с этими различиями возможна: именно они позволяют освоить существенный теоретический ресурс, каким является классическая социология пространства Зиммеля. Но их можно развивать дальше, в ходе собственно теоретической работы

Первый параграф данной главы представляет собой краткое обоснование и объяснение крестообразной таблицы, полученной за счет наложения двух трихотомий, в которые входят наши исходные различения. Первая трихотомия описывает основные интуиции пространства, поскольку наблюдатель социального взаимодействия усматривает пространственное размещение его участников, а эти последние либо принимают значение пространства как само собой разумеющееся, либо делают его темой коммуникации. Вторая трихотомия относится к величине пространства, которое может трактоваться либо как определенное место, либо как место, включающее множество мест, либо как совокупное пространство, в котором только и обнаруживаются все возможные места.

Результат взаимоналожения этих трихотомий – следующая таблица:

Таблица 1. Концептуальный каркас социологии пространства.

	I. интуиции пространства наблюдателя	II. не рефлектируемое значение пространства для наблюдаемых	III. пространство как тема коммуникации наблюдаемых
A. место	A_I место наблюдателя	A _{II} "чувство места" участников взаимодействия	A _{III} тематизация места как предмета борьбы и договора, области проживания и деятельности
B. место мест	B _I место мест наблюдателя	B_{II} практическая схема пространства участников взаимодействия	B _{III} обсуждение территории как места мест, тематизация территории по образцу тематизации места
C. объемлющее пространство	C _I идея пространства наблюдателя	C _{II} общая идея пространства участников взаимодействия	C_{III} геометрия, физика, философия, космология, теоретическая география и геополитика

Рассмотрим полученные результаты. Узловые пункты, заслуживающие особого внимания, располагаются здесь по диагонали: **A_I – B_{II} – C_{III}**. Именно на них держится основная аргументация, именно здесь сосредоточены наиболее сложные проблемы, именно отсюда следует дальше вести рассуждение. Исследуя "основную диагональ", мы реконст-

руируем всю таблицу. Трихотомия "основной диагонали" – первое производное наших элементарных интуиций. Ее позиции в некотором роде более очевидны, но менее элементарны, получены в результате комбинации и могут быть снова декомпонированы.

В параграфе втором рассматривается позиция A_I , место наблюдателя. *Наблюдатель идентифицирует себя как того, кто занимает место в пространстве и лишь постольку может наблюдать пространство чужого взаимодействия.* Только потому, что сам наблюдатель телесен, у него есть определенное место и способность наблюдать пространство взаимодействующих, отличая его от своего собственного. Но телесность и наличие места делают наблюдателя одним из участников более широко понимаемого взаимодействия, что ставит под сомнение идею наблюдения и вынуждает к очень тонким сложным рассуждениям. Место наблюдателя простейшим образом может быть определено как "вот это" место, непосредственно занятое его телом в данный момент. Место может также рассматриваться более широко: как место в принципе возможных позиций, идентифицируемое как единое место-данного-наблюдателя или как место-возможных-в-данный-период-времени-мест. Тело наблюдателя может сменить непосредственно занимаемое место – простейшее, далее неразложимое в контексте данного наблюдения единство – место₁-тела_x-сейчас_a на место₂-тела_x-сейчас_b. Эта смена места может наблюдаться как действие наблюдателя другим наблюдателем, и перспектива другого наблюдателя может быть усвоена данным наблюдателем как своя перспектива – прошлая или будущая. В параграфе третьем рассматривается положение наблюдаемых участников взаимодействия. Они не просто находятся на месте. Они обладают некоторым представлением о пространстве, которое мы назвали "практической схемой". А поскольку эта практическая схема относится не только к данному месту взаимодействия, но и ко всей области, к которой принадлежит и данное место, и другие места, то в наше рассмотрение вводятся не одна, но сразу две позиции таблицы (B_I/B_{II}). Каждый из участников взаимодействия занимает некоторое место. Однако отношение участника взаимодействия к месту взаимодействия не такое, как у наблюдателя. Это значит, что пространство взаимодействия не слагается из актуальной суммы мест, одновременно занимаемых участниками (так, как мы могли бы увидеть их на фотоснимке), подобно тому, как место одного участника (поскольку он идентифицирует свое место в течение некоторого времени) не исчерпывается событиями его пребывания. Каждый участник взаимодействия знает место своего пребывания, подобно тому, как наблюдатель знает свое место, отличное от места взаимодействия наблюдаемых. Что значит: знает место? По поводу отчетливо прорисованного места, места-фигуры можно сказать, что оно находится *где-то*. Фигура имеет границы, границы разделяют внутреннее и внешнее, место внутри границ отделено от бо-

лее обширного места, от места мест. Но если фигура размыта, то это не значит, что внутреннее и внешнее не различаются.

Как понимать: "фигура размыта"? Если мы возьмем моментальный снимок пребывания, мы не увидим взаимодействия как такового, мы увидим сумму мест тел. Все места, непосредственно не занятые, – это *значимые места*, то самое востребованное участниками "между", о котором писал Зиммель. Для наблюдателя это непосредственное место-сейчас, причем продолжительность события "сейчас", примерно, соответствует продолжительности события осуществляемого им наблюдения. Значимые места не имеют иного существования в момент актуального наблюдения, кроме своей значимости. Но потенциально они суть места наблюдаемого пребывания, именно потому, что они суть места интересные, страшные, востребуемые, обрабатываемые, преодолеваемые... и т.д. Актуальное наблюдение говорит, что место не занято. Но актуальное наблюдение не моментально, это не математический момент времени t , а значит, все дело в том, какой по длительности временной интервал будет интерпретирован как актуальное событие наблюдения. Актуальное наблюдение может говорить, что место не занято, что место занято, что незанятое место занимается, поскольку происходит перемещение тела. Актуальному наблюдению соответствует событие – событие пребывания или событие перемещения, событие как смысловой комплекс местоположения, не совпадающий с фактом, фиксируемым в определенном момент времени и либо тематизируемым в актуальном наблюдении, либо оттесненным на задний план тематизацией иных, более значимых фактов. Актуальное наблюдение акцентируется как актуальное на фоне незначимых фактов и в контексте потенциальных наблюдений.

Но мало этого. В одном предельном случае фигура пребывания будет совпадать с местом фактического моментального присутствия. В другом, противоположном предельном случае фигура пребывания будет охватывать собой всю совокупность мест, занимаемых действующим в течение жизненного пути (именно так это представлено в "географии времени"). Но и в том, и в другом случае фигура пребывания – это своеобразная "вещь" как коррелят наблюдения. Не так обстоит дело со знанием места.

Другое тело – тело Другого занимает *другое место*. Это место – другое по отношению к моему месту. Если я объективирую свое место, занимаю по отношению к себе и своему телу позицию наблюдателя, я могу рассматривать свое местоположение, свою ситуацию в пространстве как одно из множества возможных мест, а местоположение Другого – как еще одно из множества возможных мест. Но как "незавершенный субъект" я знаю свое тело и свое место практически, и это знание включает в себя знание местоположения других тел – тел Других. Другие смотрят на мир в иной перспективе – перспективе иного

местоположения. Но местоположение Другого, который дан мне как тело, есть всякий раз возможное местоположение моего тела.

Мы видим, что знание места не индивидуально, это разделяемое участниками, хотя и не обговариваемое знание. Это знание не совпадает с данностью в восприятии некоторого участка территории. Место имеет смысл, и знание места есть знание этого социального смысла. Однако, занимать место, знать занимаемое место можно лишь постольку, поскольку гарантирована хотя бы вот эта фактичность пребывания. Подобно нерушимости индивидуального тела в теориях общественного договора, фактичность своего места социально гарантирована. Наряду с "совместными", "разделяемыми" ценностями есть общность места. Общность места – есть место мест, именно в ней индивидуализировано данное место: не как место данного индивида (потому что он мог бы занимать и другие места), но как место, отличное от других мест.

Наконец, § 4 посвящен одному из самых сложных для теоретического рассмотрения предметов – так называемому "большому пространству". Здесь также рассматривается две позиции нашей таблицы (С_{II}/С_{III}), поскольку общая идея пространства и идея большого пространства – это близкие, но далеко не совпадающие представления. Вся базовая социологическая концептуализация построена на непосредственности присутствия, на достижимости для органов чувств, манипуляции и т.п. Но как только речь заходит о больших пространствах, их характеристики берутся словно бы ниоткуда, из административных членений, из политического определения государственных границ, в лучшем случае – из географии регионов. Отсюда можно сделать следующий важный вывод: достраивая цепочку основных понятий до большого пространства, мы не просто усиливаем логическую сторону концепции, но принципиальным образом меняем сам характер социологического теоретизирования.

Поскольку речь идет об общей идее пространства, в данном параграфе широко привлекаются ресурсы географии Бенно Верлена и социологии Энтони Гидденса, в частности, принципиально важное также и для дальнейших разработок понятие локала. Идеи Гидденса и Верлена могут помочь нам и в дальнейших исследованиях проблематики большого пространства, как в позитивном смысле, так и в негативном. Конечно, оба автора не критически воспринимают *идею пространства*. То объемлющее, куда заключены все места, или та совокупность мест, которая не может быть доступна никакому созерцанию, короче говоря, то, что Кант называл пространственным схематизмом, не рассматривается ими как исторически становящийся, социально определенный и даже социально произведенный продукт. Речь в этом случае, как мы уже неоднократно показывали выше, вовсе не должна идти о безоговорочном принятии позиции социологического релятивизма. Одна-

ко, невозможно игнорировать проблему как таковую, невозможно строить социологическую теорию, не определив место самого социолога. Но место есть в том числе и собственно пространственное место. И схемы, в том числе пространственные схемы социолога суть исторический продукт. Социолог – это не "абсолютный наблюдатель" социальной жизни, проблематизирующий только схемы восприятия участников наблюдаемых взаимодействий. Социолог – сам участник социального взаимодействия, его место, как в физическом, так и в социальном пространстве (пространстве социальных позиций) есть социально сконструированное место, его перспектива – социально определенная перспектива. Знание об этом, быть может, и не поможет ему так дистанцироваться от собственного места и собственной перспективы, чтобы суметь все-таки найти выход, занять позицию абсолютного наблюдателя. Однако, он может попытаться в рамках одного исследования менять перспективы, дистанцироваться от собственной, ограниченной точки зрения, чтобы обрести иную, не менее ограниченную. Такое сочетание суждений, сделанных в разных перспективах и позволяет получить некое более объемное, хотя и не исчерпывающее представление объекта наблюдения.

Но, разумеется, Гидденс и Верлен ценны для нас не только потому, что дают импульс продуктивной критике. Важным результатом их исследований является возможность исследования *большого пространства как малого*. Эта парадоксальная формула требует некоторого пояснения. Схемы, общие идеи, общие принципы и т.п. достаточно неблагоприятный предмет изучения. Разумеется, в тех случаях, когда они сформулированы в виде физических, географических, математических или философских доктрин, о недоступности объекта не может быть и речи. Но когда мы намерены выявить, какое общее видение пространства сопутствует тем или иным вполне конкретным представлениям людей относительно обозримых локализаций, сложности оказываются гораздо более значительными.

Концепции Гидденса и Верлена помогают если и не преодолеть в полной мере, то хотя бы наметить возможные способы продуктивного разрешения этих сложностей. Введенное Гидденсом понятие "локала" позволяет нам взять за основу анализа некоторую последовательность рутинизированных операций, которые, как *события* в пространстве и времени, сопрягаются с некоторой физической средой. Практически это означает, что каждое действие и взаимодействие, именно постольку, поскольку оно не является уникальным, однократным, но имеет характер рутинного, повторяющегося, т.е., иными словами, структурированного процесса, помещено в пространство и лишь в нем обретает свою самоидентичность. Но если так, то в перспективе наблюдателя и в перспективе самих действующих и представление о месте (физическая среда в самом конкретном смысле

слова), и представление о месте мест (расположение места), и некоторая общая идея пространства должны играть свою роль. В свете того, что было сказано выше, это представляется очевидным, и понятие "локала", кажется, ничего не добавляет к нашим рассуждениям. Но если мы посмотрим более внимательно, то увидим, что даже глобальные взаимодействия суть "взаимодействия-в-локале". А это значит, что представления о присутствии и отсутствии, о возможности достижимости отсутствующего и т.п., о чем говорит Гидденс, могут быть тематизированы непосредственно, во взаимодействии лицом-к-лицу, вроде тех, о которых так любил писать И. Гофман. С одной стороны, например, социолог может хорошо видеть (а сами участники взаимодействия могут и не замечать), что на поведении участников взаимодействия отдаленные вещи и события оказывают влияние не только в объективном смысле (как, например, изменение цен на нефть или курса валют), но и в субъективном (когда каждый день начинается с обзора мировых новостей и вид картинок со всего мира становится частью обыденного восприятия). С другой стороны, сами участники взаимодействия могут включать в обыденную калькуляцию действий условия и последствия своего поведения в самых удаленных, недоступных восприятию областях (например, в случае экологического планирования). Иначе говоря, не концепция, не разработанная во всех деталях философия пространства, но конкретный, включенный в структуру "локала" аспект поведения – вот что такое большое пространство для социолога, который, конечно, в исследовательских целях еще обязан достроить его до полной картины, подобно тому, как по одной кости достраивают скелет ископаемых животных.

Однако, наше рассуждение было бы неполным, если бы ограничились только развертыванием логически связанных между собой позиций нашей таблицы. Мы уже указывали, вводя основные различия, что пространство может интерпретироваться также и метафорически, как пространство социальных позиций. Именно как *социальное пространство* это последнее и является предметом многих влиятельных социологических построений. Но очевидно, что здесь необходимо избежать терминологической путаницы. Говорим ли мы о социальном пространстве как виде пространства или это только метафора? Что вообще означает метафора пространства и насколько велика роль метафоры, если мы намерены исследовать логическую связь понятий и высказываний?

Эта тема рассматривается в *параграфе пятом* данной главы. Здесь подробно анализируются воззрения на метафорику пространства Лефевра, изложенные в его работе "Производство пространства"²². Проблема состоит в следующем. Мы зафиксировали оп-

²² См.: Lefebvre H. La production de l'espace. Op. cit. См. также небольшой фрагмент в русском переводе: Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. Т. 2. № 3. С. 1-3. (<http://www.sociologica.net/s5/05tra2.pdf>).

ределенные первичные интуиции пространства, причем назвали метафорой социальное пространство как пространство социальных позиций. Мы обнаружили, что с точки зрения некоторых теорий, метафорой следует называть пространство евклидовой геометрии, "пустой контейнер", "пространство философов" и т.п. Таким образом, первоначальные интуиции пространства не могут быть схвачены системой когерентных понятий, мы стоим перед необходимостью решения и неизбежностью дизъюнкции. Любое решение предполагает определенную логику конъюнктивного сопряжения суждений, однако любой их ряд должен быть принципиально неполон, а восполнение его – т.е. попытка отдать должное тем интуициям, которые не удалось теоретически осмыслить при помощи логически возможных в этом ряду понятий и суждений – будет возможно лишь за счет высказываний, которые с точки зрения этого основного ряда могут считаться только метафорическими. И, напротив, попытка выстроить эти метафоры в ряд логически связанных высказываний, отвечающих определенным образом схематизированным интуициям, приведет к зеркально сходной ситуации, ибо теперь уже метафорами, восполняющими новые пробелы, окажутся те элементы первого ряда, которые мы в другом контексте представили как понятия.

Если у нас о социальном пространстве говорится как о пространстве социальных позиций, которое именно как таковое мы называем метафорой, то у Лефевра социальным называется *то же самое пространство тел*, только измеряемое и постигаемое не формально-геометрически, а некоторым иным способом, который, с одной точки зрения, может считаться неразвитым, архаическим, ненаучным, а с другой, – изначальным, неповрежденным и подлинным. *Пространство тел может переинтерпретироваться как пространство социальных позиций*, однако здесь необходима полная ясность, которой до сих пор зачастую нет в рассуждениях о социальном пространстве самых именитых авторов.

Основные результаты главы третьей.

Выстроив таблицу социологии пространства, определив основные позиции ее теоретической логики и дав интерпретацию положений, которые записаны в клетки главной диагонали, мы выполнили центральную задачу данной главы и всей диссертации. Зафиксируем еще раз ее основные результаты в самой абстрактной, обобщенной форме:

1. Место наблюдателя является центральным пунктом концептуализации пространства в социологии. Место наблюдателя предполагает комплексное событие-пребывания и событие наблюдения вплетенные во взаимосвязь операций наблюдения и операций взаимодействия. Различение этих операций, различение собственного восприятия пространства и восприятия его действующими и наблюдаемыми людьми есть условие возможности социологии пространства.

2. В действии имеет силу не понятие, не образ, не общее представление о пространстве. В нем применяется практическая схема пространства, позволяющая перемещаться с места на место и воспринимать данное место как одно из множество принципиально возможных. Иначе говоря, практическая схема имеет отношение не к четко очерченному региону, но к слабо концептуализированному для действующего "месту мест". Именно для места мест имеет значение – хотя и ограниченное внутренними возможностями теории – концепция телесного знания и телесных схем Пьера Бурдьё.

3. Исследование места и практической схемы места мест позволяет нам обнаружить пересечения социологии пространства и социологии времени. Мы показали, что работа с данными категориями предполагает идею движения, перемещения тел, а значит, и разделения событий на "теперь", "прежде" и "после". Временной горизонт неотделим от исследований пространства. Именно в единстве характеристик пространства и времени нам удалось определить такое важное для социологии понятие как "область соприсутствия".

4. Нам удалось показать также, что переход к общей идее пространства и большому пространству является совершенно неизбежным для логического завершения исследования. Как раз в тех случаях, когда ни органы чувств, ни практическая схема не позволяют ориентироваться в пространстве, а влияние идей на поведение является наиболее трудно уловимым, социология показывает свою логическую состоятельность, исследуя те позиции, которые в нашей схеме мы обозначили как C_{II} и C_{III} . Ведь именно идеи, касающиеся пространства – устройство и размеры территории, историческая принадлежность определенных областей и прочее в том же роде является предметом дискуссий, то социологически фиксируемой, исследуемой тематизации пространства.

5. Важным результатом является подсоединение к нашим построениям базовой концепции Бенно Верлена и понятия "локала" Энтони Гидденса. Разумеется, эти теоретические построения обладают собственной научной ценностью. Однако принципиально важной является именно реализованная возможность использовать их как ресурсы в рамках иначе построенной и по-другому обоснованной теоретической логики. Вводя в нашу концепцию построения Верлена, мы демонстрируем возможность аналитического различения социального смысла пространства и его материального носителя. Включая концепцию локала, мы тем самым открываем нашу концепцию для самой широкой социологической проблематики власти, конфликта, регуляций и прочего в том же роде.

6. Наконец, нам удалось прояснить не только метафорическую природу понимания социального пространства как пространства позиций, но и показать две крайние концепции пространственной метафорики. При этом наиболее важным результатом можно считать даже не демонстрацию относительности категориального и метафорического статуса высказываний о начальных интуициях, а признание необходимости сохранения определенной области ключевых метафор в любых рассуждениях. Иначе говоря, к определениям основных интуиций бывает полезно добавить разъяснение относительно категориального или метафорического статуса определенных описаний, однако признание неизбежности метафор делает их в любом случае менее уязвимыми для критики.

Глава четвертая.

Наблюдение пространства: события, место и власть.

В этой главе мы подробно исследуем те вопросы, которые непосредственно вытекают из предложенной в предыдущих главах концепции социологии пространства. В *первом параграфе* рассматривается понятие наблюдателя, имеющее первостепенное значение в теоретико-методологическом аспекте. Характеристики наблюдателя и наблюдения имплицитно предполагают возможность или невозможность установить что-либо в социальном мире. Каково должно быть наблюдение и каков должен быть наблюдатель, чтобы смысл пространства стал социологическим фактом? Выясняя это, мы идем от противного, от одной из наиболее развитых в современной социологии концепции наблюдения Никласа Лумана, настаивавшего на нетерриториальном, временном характере общества и его элементов. Именно обращение к Луману позволяет увидеть, какое теоретическое решение приводит к устранению проблематики пространства. Таким образом, не меняя всю базовую концептуализацию, но только приняв альтернативные теоретические решения в ряде ключевых моментов, мы получаем возможность использовать в социологии пространства богатейший ресурс понятий и описаний. Это касается не только Лумана, но также социологии Толкота Парсонса, Альфреда Шюца и Джорджа Герберта Мида. Самым важным здесь является новое истолкование понятия социального события как элементарного факта. Мы устанавливаем возможность рассматривать его не только как временной, но и как пространственный феномен. Событие действия и событие наблюдения соотносительны. Действие идентифицируется как тако-

вое лишь в событии наблюдения. Наблюдение идентифицируется как таковое другим наблюдением как действие (=событие) наблюдения. Событие – мы повторяем это снова и снова – есть событие наблюдения и наблюдателя, и оно моментально. Моментально – значит: *временно*? Но почему? Откуда вообще следует эта интерпретация моментальности? Моментальность события есть сжатое до нерасчлененности меньших интервалов время, это так. Но моментальность есть также сжатое до предела пространство. До какого предела? Если в случае со временем вопрос остается без ответа – потому что предел относителен, он задан идентичностью совершающегося и периодом его прехождения, исчезновения, то в случае с пространством дело обстоит иначе.

Действительно, пространство можно сжать, но ужать его внутрь за пределы телесной оболочки не представляется возможным. Наблюдатель событий есть организм, он как физическое тело имеет местоположение, у него есть актуальное "здесь" и потенциальное "там", он – вещь среди физических вещей. Его "внутреннее" не может быть найдено подобно тому, как мы находим меньшую вещь внутри большего объема. Его "внутреннее" есть обратная сторона "внешнего", до него потому и нельзя "добраться" (как и до "внутреннего" любой физической вещи, утверждает Мид), что оно всегда "внутри". А это значит, что пространство местоположения действующего *элементарно*, оно столь же нерасчленимо, как и момент настоящего, когда совершается событие. Значит, только нашим исследовательским интересом, как это и доказывал Зиммель, профилированным или не профилированным решением может быть обусловлен выбор в пользу рассуждений о временном и в ущерб рассуждениям о пространственном характере события. Но действующий и наблюдатель суть одно! Мы несколько раз говорили об этом, подчеркивая прежде всего относительность различения наблюдения и действия. Теперь мы можем указать здесь и на другой аспект. Наблюдатель не может не быть действующим, это так. Но и действующий не может не быть наблюдателем! Эту сторону социального взаимодействия в разное время подчеркивали Мид, Шюц и Луман. Но тогда наши рассуждения о наблюдателе характеризуют не только идеализованную позицию ученого, но и идеализованную позицию любого участника социального взаимодействия, поскольку взаимное наблюдение является его важнейшей конституентой.

С точки зрения пространственного события, мы рассматриваем далее характеристики тела, движения и власти. В *параграфе втором* мы подробно исследуем те характеристики места, которые обусловлены, с одной стороны, взаимной достижимостью и соприсутствием тел, а с другой стороны, всякий раз подвергаются со-

циальному осмыслению и интерпретации. Особую роль здесь играет обращение к некоторым положениям философии Мартина Хайдеггера, проницательно охарактеризовавшего то, что мы могли бы называть "чувством места". Заметим также, что описанная таким образом местность не есть местность пребывания. Это знакомый маршрут перемещения, так что все те ограничения, которые связаны с достижимостью для органов чувств (предельной или средней) снимаются здесь постоянным изменением позиции. – Позиции чего? Можно было бы сказать: наблюдения. Но все дело в том, как мы видим, что речь идет вовсе не о наблюдении. Интимное "чувство места" как таковое не предполагает наблюдения. Место, даже разрастаясь до местности, означает здесь единство действующего/переживающего и той обстановки, в которой совершаются события действий и переживаний. "Где-то" в размытых границах местности совершаются действия, которым предшествуют *проекты*. Пространство этих действий не гомогенно, поскольку оно освоено с точки зрения различения *там* и *здесь*, *левого* и *правого*, *ближнего* и *дальнего*. Но эта неоднородность пространства имеет важную особенность. "Там" только потому "там", что есть "здесь". "Левое" отличается от "правого". "Ближнего" не бывает без "дальнего". Разнородные ориентации взаимно предполагаются, имплицитно тем сложным контекстом, в котором ни действующий, ни пространство, предполагающее вещи, предполагающие нахождение на своем месте, не могут рассматриваться по отдельности.

Может ли нас удовлетворить такая постановка вопроса? – Только до известной степени. Мы можем принять ее как значимое описание некоторого фундаментального отношения, которое можно назвать экзистенциальным. Это фундаментальное отношение, так сказать, просвечивает, дает о себе знать в любом социальном событии в пространстве. Но анализ не может остановиться на этом уровне – прежде всего потому, что объективирование мест и дистанций также и в фундаментальном отношении представляет собой обычное дело, и только термины объективированного отношения могут меняться от культуры к культуре и от эпохи к эпохе.

Поэтому нам требуется обратиться к ряду социологических исследований личной территориальности, в частности, к концепциям "личной территориальности" С. Лаймена и М. Скотта, к проксемике Э. Холла, но более всего – к социологии Ирвинга Гофмана, в многообразных аспектах исследовавшего социальные значения места. Гофман показывает, что физические аспекты ситуации, безусловно, очень важны. Но как таковые они

должны быть обязательно интерпретированы участниками взаимодействия, а смысл интерпретации может включать не только референцию к непосредственно воспринимаемому. Таким образом, само присутствие оказывается достаточно сложным феноменом. Как мы видели, уже Зиммель придает решающее значение тому обстоятельству, что некоторое пространство значимо для участников взаимодействия, что они концентрируют на чем-либо свое внимание. Гофман представляет это в куда более тонкой и дифференцированной форме.

Пространство, по Гофману, и разделяет, и соединяет участников взаимодействия. В нем находятся барьеры для восприятия, но в нем же размещены тела взаимодействующих. Пространство – будь то дистанция или территория – представляет собой и ограничение, и ресурс действия. Участники взаимодействия не просто находятся на некоторой территории, которая вычленяется как таковая некоторым внешним наблюдателем. Для них важно то, что они имеют некоторое общее представление о месте своего взаимодействия, и это представление носит совершенно практический характер. Иначе говоря, концептуализация места может предшествовать поведению и может сопровождать поведение и даже может быть никак не связанной с собственным поведением (например, при наблюдении), но практически поведение никогда не бывает простым переводом понятия в инструкцию. Основания этого нам уже ясны: с одной стороны, необходима самоочевидность пространственного расположения, которая нарушается любой объективацией и которая некоторым образом сохраняется при любой объективации – как ее условие или как ее смысловое отложение, устойчивый осадок смысловых операций объективации; с другой стороны, множественность участников взаимодействия означает множественность перспектив, которые не могут полностью совпадать между собой. Их несовпадение обусловлено уже хотя бы тем, что в каждый момент взаимодействия каждый из участников не может не занимать уникальную личную территорию, центрированную вокруг его тела. Описывая территории и регионы, Гофман делает акцент на модусе *внимания* участников взаимодействия. Дело не только в различиях между фокусированным и не фокусированным взаимодействием. Дело еще и в том, что любое пребывание, перемещение, участие, присутствие, препятствие могут иметь ярко выраженный характер, осознаваться (и, вероятно, также концептуализироваться) как таковые или, напротив, пребывать в модусе самоочевидности.

Это позволяет нам сделать предположение, что любые определения зон, территорий, границ и прочего в том же роде имеют приблизительный характер. Речь может идти лишь о руководящих наблюдениях *и* поведением ориентирах – обладающих разной степенью принудительности материального и/или социального факта. Но эти ориентиры важны для нас не просто как намеки на некоторое возможное членение мест как отчетливо

прорисованных на картах территорий. Скорее, речь идет о специфической проблематике действия и взаимодействия, поскольку оно не может не быть пространственным. *Территория осознается как "личная" или "социальная" в модусе внимания (наблюдателя или участника). Она является областью борьбы и договора, чувства уверенности или чувства уязвленности в модусе практической схематизации. Место – это элемент, далее неразложимая единица территории, и как таковое оно несет на себе черты территории, определяемой в понятиях и практических схемах.* Однако, ни понятия, ни практические схемы не являются результатом индивидуальной смысловой деятельности. Они частично вырабатываются или интерпретируются в самом взаимодействии, а частично достаются его участникам, так сказать, в готовом виде, как смысловой запас, наработанный в более продолжительных и/или более широких взаимодействиях. *Подобно тому как место есть элемент территории, так чувство места или определение места суть элемент более широкого и постоянного смыслового комплекса. Но это определение не может быть глубоко ментальным.* Разумеется человека нельзя представлять как марионетку культуры, простого исполнителя значимых в обществе предписаний. Возможны любые исключения, нарушения любых запретов. Но, как правило, повседневная рутина именно такова: действия определенного типа соотносятся с определенными регионами. А регионы мы знаем как таковые лишь потому, что с ними соотносятся определенного типа действия.

Наконец, в *третьем параграфе* мы рассматриваем места с точки зрения социальных отношений. Места суть проявления социальных связей, узлы социальных сетей и потоков. Они формируются под влиянием экономики и власти, так что эти понятия и проблемы переводят нас в русло традиционной социологической проблематики господства, контроля, влияния и солидарности, что позволяет нам исчерпать тему именно в теоретико-методологическом аспекте.

Итак, говоря о власти в пространстве мы, с одной стороны, легко прослеживаем совершенно очевидное сопряжение понятий: "тело – пространство – движение – область размещения – воздействие на тело (насилие) – ограничение движения (насилие) – вмешательство в действия тела, в том числе и возможные, в том числе и перемещения (власть) – дополнение и обоснование насилия и власти в идейном и символическом плане (легитимность)". Таким образом, область, будь то не расшифрованное Вебером понятие, или локал, или метафора контейнера, действительно "включается в признак", и властные регуляции суть одно из определений социологически трактуемого пространства, наряду с привычками и обычаями поведения, которые существенным образом со-определяют смысловое единство мес-

та. С другой стороны, мы не можем не видеть ограниченности такой метафоры и стоящей за ней общей идеи пространства, хотя новые метафоры сетей и потоков обладают также лишь ограниченной продуктивностью. По существу, получается так, что область значимости правил "союза" по-настоящему понимается только в перспективе "государства" – того "союза господства", у которого территория является одной из ключевых составляющих дефиниции. Речь идет не только о воздействии силы на тело, но о *достижимости* тела для силы, причем за пределами непосредственного взаимодействия, то есть о правилах, следование которым и применение которых, с одной стороны, только и делает возможным воздействие "тела на тело", а с другой стороны – только и гарантировано, в конечном счете, возможностью такого воздействия.

Очевидно, однако, что *угроза* такого воздействия и *правомерность* такой угрозы существенно перевешивают любую непосредственность. Точнее говоря, здесь есть два аспекта. С одной стороны, власть характеризуется именно своей потенциальностью. Реальность насилия свидетельствует именно о недостатке власти, если только это насилие не носит демонстративного, символического характера, то есть не призвано подтвердить состоятельность угроз, но действительно применяется как последнее средство принуждения. С другой стороны, возможность "добраться до тела" подвластного за пределами непосредственности присутствия в сенсорной или манипулятивной зоне обеспечена не только средствами коммуникации в смысле простой передачи информации, но и средствами коммуникации символизированного насилия. Таким образом, "область, которая включается в признак", – это именно регион в той его социологической трактовке, которая была развернута выше. Смысловому единству региона соответствует смысловое единство власти, связанной как с местами внутри региона, так и с перемещениями с места на место. Минимальное пространство тождественно месту тела. Максимальная власть тождественная способности "добраться до тела", разрушить его. Увеличение пространства означает нарастание символической, смысловой составляющей власти. Возможное перемещение тела и возможность ожидаемого применения власти суть горизонты социальных событий, для описания которых нужна семантика социального (смыслового) времени. Самоочевидность места равна молчаливому признанию господствующей социальной топологии и может быть интерпретирована как реальная потенция власти или как актуальное исполнение власти над смысловой, символической сферой, в том числе и применительно к смыслу пространства.

Основные результаты главы четвертой.

1. В результате анализа, предпринятого в данной главе, мы показали, что принципиальные решения в пользу применения традиционных социологических понятий, интерпретированных с учетом пространства, оправдывают себя не только на стратегическом, но также и на операциональном уровне. Это в особенности хорошо видно, когда с учетом проблематики пространства интерпретируется ориентированная на новую семантику времени социология Лумана, но также и в других случаях, идет ли речь о Парсонсе, Шюце, Миде или Гофмане. Проблематика пространства – не искусственное дополнение, а естественное продолжение, расширение и уточнение базовой социологической концептуализации, независимо от того, имели ли именитые авторы собственное намерение принимать ее в расчет, и если да, то каким именно образом.

2. Нам удалось вскрыть синтетический и синтезирующий характер понятия события. Событие как пространственный феномен может быть интерпретировано как действие, взаимодействие и коммуникация. Это значит, что мы можем в полной мере использовать теоретический ресурс, до сих использованный как правило лишь с ориентацией на проблематику времени.

3. Нам удалось показать, каким образом от понятий, описывающих ближайшее пространство, можно перейти к описаниям регионов и иного рода более обширных пространств, не теряя ни исходной опорной точки – человеческое тело –, ни той самой социальной составляющей, внимание к которой и делает наше исследование социологическим, а не философским, не психологическим и не географическим. Достигнуть этого нам удалось за счет акцентирования смысла пространства. Понятие о смысле пространства, наряду с углубленной трактовкой социального события, находится, таким образом, в центре нашего концептуального построения.

4. По сравнению с главой третьей нам удалось существенно углубить социологическое понимание места, интерпретируемое посредством обращения к движению, телу, событию и смыслу пространства. Нам удалось также преодолеть навязчивую и не всегда продуктивную метафорику пространства-контейнера за счет введения в оборот метафоричности сетей и потоков. При этом мы постарались сохранить все достижения базовой концептуализации, связанной с малыми и большими пространствами, достижимостью тела и социальными событиями.

Заключение

В заключении дается обзор основных выводов диссертации. Кроме того, здесь результаты исследования представлены в виде глоссария основных понятий, уточненных или заново определенных автором. Это такие понятия, как "наблюдатель", "социальное

событие", "тело", "пространство", "территория", "место", "личная территория", "область манипуляции", "регион", "исключительность пространства", "большое пространство", "солидарность с пространством", "социальное пространство". Этим понятиям, которые не являются собственным изобретением автора, нам придать дополнительный смысл, уточнив их в связи с поставленными задачами и обеспечив тем самым решение одной из основных задач исследования: продемонстрировать не исчерпанные до сих пор возможности социологии как особой дисциплины.

Задача социолога состоит в том, чтобы установить ту логическую связь позиций, применительно к которой исследование пространства в связи с социологически важными категориями имеет продуктивное значение. Это далеко не всегда одна и та же связь, а характер этой связи далеко не всегда очевиден. Но какое бы пространство нам ни пришлось исследовать, мы столкнемся в нем с так или иначе трактуемыми телами и местами, которые эти тела занимают. Здесь не обойтись без идеи региона и движения, без изучения правил проведения границ и определения дистанций, без исследования фундаментального социологического вопроса о власти. Таким образом, наш концептуальный аппарат, быть может, и недостаточен, но зато совершенно необходим для корректного социологического исследования всего комплекса событий, связанных или могущих быть связанными с пространством.

Мы закрываем тему, исчерпав основные аспекты теоретико-методологического исследования, часто проходящего на грани социологии и философии. Мы открываем тему собственно социологического теоретизирования, которое может уже не останавливаться на проблемах теоретической логики, но обращаться непосредственно к содержанию того, что составляет поток событий социальной жизни. Сюда относится понятие империи, понятия глобализации и проблема переосмысления пространства в русле новой метафорики сетей и потоков, а также многочисленные аспекты того, что можно было бы назвать производством пространства. Такая работа позволит в будущем усовершенствовать и предложенную в диссертации базовую концептуализацию.

Основные публикации автора по теме диссертации.

1. Монография.

Филиппов А. Ф. Теоретические основания социологии пространства. М.: Канон-Пресс-Ц, 2003. 231 С.

2. Статьи.

а. На русском языке.

- Филиппов А. Ф. Социология и космос // Социо-Логос. Вып. 1. М.: Прогресс. С. 241-273.
- Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (империя как социологическая категория и социальная проблема) // Вопросы социологии. 1992. № 1. С.89-120.
- Филиппов А. Ф. Обоснование теоретической социологии. Введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 65-81.
- Филиппов А. Ф. Элементарная социология пространства // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 45-69.
- Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Т. 3. Россия как идея / Ред.-сост. С. Б. Чернышев. М.: Аргус. 1995. С. 421-476.
- Филиппов А. Ф. О понятии "теоретическая социология" // Социологический журнал. 1997. № 1/2. С. 5-37.
- Филиппов А. Ф. Теоретическая социология // Теория общества. Фундаментальные проблемы. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 1999. С. 7-34.
- Филиппов А. Ф. Социология пространства // Логос. № 2 (23). 2000. С. 113-151.
- Филиппов А. Ф. Глобализация как проблема теоретической логики в социологии // Традиционные и новые ценности: политика, социум, культура / Под ред. С. А Кравченко и Н. Е. Покровского. М.: МГИМО, 2001. С. 99-114.
- Филиппов А. Ф. Печальная глобализация: локальное без границ, глобальное без места // Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 283-297.
- Филиппов А. Ф. [Рецензия на кн.:] Пьер Бурдьё. Практический смысл // Социологическое обозрение, 2002. № 1. С. 76-86.
- Филиппов А. Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки, 2002. № 6-7. С. 48-62.

б. На иностранных языках.

- Filippov A. Antropologia filozoficzna a teoretyczna logika w socjologii // Racjonalnosci wspolczesnosci. Warszawa, 1992. S. 198-220.
- Filippov A. A final view back to the Soviet Sociology// International Sociology. Vol. 8. No. 3. September, 1993. P. 355-373.
- Filippov A. Der Raum der Systeme und die großen Reiche // Grenzenlose Gesellschaft / Hrsgg. v. S. Hradil und F. Traxler. Opladen: Leske und Budrich. S. 344-358.
- Filippov A. Wo befinden sich Systeme? Ein blinder Fleck der Systemtheorie // Die Logik der Systeme / Hrsgg. v. P.-U. Merz-Benz und G. Wagner. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 2000. S. 381-415

Заказ № Тираж экз.

МГИМО (У) МИД РФ

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО (У) МИД РФ
117218 Москва, ул. Новочеремушкинская, 26